

АТРЭЙ БЛЭКВУД

— АРХИТЕКТОР ПУСТОТЫ —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Атрэй Блэквуд

Архитектор пустоты

<https://litres.ru/74384964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь историй. Восемь дверей, которые лучше не открывать. Сад, где красота питается тем, чего лучше не знать. Тишина, в которой тик часов звучит как приговор. Полёт сквозь ничто, где единственным собеседником становится собственная память. Цветы на могиле, которые не должны были вырасти. Город, медленно снимающий маску привычной реальности. Запертый паб, в котором смех звучит не правильно. Пустой экраны отражающий чужую боль. И целый космос, уместающийся в трещине между досками.

Каждый рассказ — отдельная история. Но за всеми ними стоит один вопрос: что останется от вас, когда привычное исчезнет, а вместо него придёт нечто, чему вы не готовы дать имя?

Лавкрафтианский ужас, готическая эстетика, космическое одиночество, фольклорный хаос и социальная притча под одной обложкой. Главное чудовище здесь не прячется во тьме. Оно ближе, чем вам хотелось бы думать.

Эта книга для тех, кто любит мрачную прозу в духе Кинга и Лавкрафта, и не боится заглянуть туда, откуда не все возвращаются.

Содержание

Проклятие багровых роз	4
Отсчёт	20
Бесконечный полёт	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Архитектор пустоты

Проклятие багровых роз

Викторианская Англия, 1883 год. Туман стелился по земле, словно сам воздух был соткан из чужой печали, и сквозь него едва проступали очертания поместья Корво — мрачного, угловатого, будто нарочно построенного так, чтобы отбрасывать слишком длинные тени. Именно сюда в поисках работы пришёл Томас Харт, молодой садовник с мозолистыми руками и глазами, ещё не успевшими привыкнуть к темноте.

Он был беден, измучен дорогами и холодом, и когда экономка мадам Корво предложила ему место, Томас не стал задавать лишних вопросов. Его задача была проста: ухаживать за розами, которые славились на всю округу. Говорили, что их аромат способен заставить человека забыть собственные грехи, а цвет лепестков — повторять оттенки закатов, которых никто никогда не видел.

В первый же день Томас понял: сад мадам Корво был не просто садом. Это был храм, возведённый во имя красоты, и красота эта казалась почти нечеловеческой. Розы были повсюду: вдоль аллей, у фонтанов, на террасах. Но самые роскошные бутоны росли там, куда почти не доходил дневной свет, — на старом закрытом кладбище в глубине поместья.

Старое кладбище в глубине поместья Корво охранялось тяжёлыми коваными воротами, которые давно обросли цепким ядовитым плющом. Здесь, среди покосившихся известняковых надгробий и безымянных склепов, туман казался особенно густым — он лениво перекачивался между могилами, пахнувший сырой землей и чем-то неуловимо сладким, приторным, от чего у Томаса с непривычки начинала подступать тошнота к горлу.

Но именно здесь, в вечном полумраке под сенью старых плакучих ив, розы мадам Корво цвели с какой-то яростной, болезненной силой. Их бутоны были огромными, размером с кулак взрослого мужчины, а лепестки имели глубокий, почти чёрный, багровый оттенок — цвет свернувшейся крови.

В первый же вечер, когда сумерки окончательно поглотили поместье, Томас взял садовые ножницы и отправился срезать увядшие листья. Работая среди могил, он обратил внимание на странную деталь: земля на кладбище не была сухой или песчаной. Напротив, она казалась жирной, рыхлой и маслянистой, будто ее непрерывно поливали каким-то раствором. Стоило Томасу вогнать лопату в один из холмиков, как из-под дёрна послышалось влажное чавканье.

А ночью Томас проснулся от странного звука.

Из окна его маленькой каморки над флигелем открывался вид на старый погост. Накинув пальто, молодой садовник прильнул к стеклу. Сквозь молочную пелену густого тумана по главной аллее кладбища двигался силуэт. Это была са-

ма мадам Корво. На ней было тяжёлое чёрное платье, а лицо скрывала густая кружевная вуаль. В руках вдова несла серебряное ведро.

Томас затаил дыхание. На его глазах хозяйка поместья остановилась у самой роскошной, высокой розовой лозы, оплетавшей старинный склеп. Она не срезала цветы. Медленно, с каким-то благоговейным трепетом, мадам Корво наклонила ведро.

Сквозь ночную тишину Томас отчетливо услышал, как на землю с густым, липким шлепком полилась тёмная жидкость. По комнате садовника, несмотря на закрытые рамы, мгновенно пополз тяжёлый, удушливый, тошнотворно-сладкий запах. Это не был аромат роз. Это был запах сырого мяса и застоявшейся крови. Мадам Корво поливала свой цветник тем, что ещё недавно было живым.

Вдруг хозяйка замерла. Словно почувствовав на себе чужой взгляд, она медленно повернула голову в сторону флигеля. Томас в ужасе отшатнулся от окна, упав спиной на жёсткий матрас. Сердце колотилось в самые ребра, а в темноте каморки ему казалось, что аромат багровых роз Корво начинает проступать прямо сквозь щели в потолке, заполняя его лёгкие липким, удушающим страхом.

Кладбище было обнесено высокой кованой оградой, а ворота запирались на тяжёлый замок. Томас быстро заметил, что экономка мадам Корво носит ржавый ключ от него на толстой цепочке у своего пояса, никогда не оставляя без при-

смотр. Погост оставался запретной зоной для любого живого существа, едва солнце опускалось за горизонт. Но удушливый, приторно-сладкий шлейф, тянувшийся от закрытых надгробий, словно невидимыми нитями манил молодого садовника, не давая ему спать.

Однажды ночью, когда луна висела над мрачным парком как холодное, слепое око, Томас проснулся в своей каморке. В тишине поместья он услышал странный звук. Это был не плач птицы и не завывание ночного ветра. Это было ритмичное, мерное падение тяжёлых капель. Звук шёл из-за глухой кладбищенской ограды.

Преодолевая липкий страх, Томас накинул пальто и выскочил на улицу. Двигаясь вдоль чугунных прутьев, он понял, что ворота закрыты. Не раздумывая, он ухватился за холодный металл, перелез через высокую ограду и бесшумно спрыгнул на жирную, влажную землю.

Томас осторожно пробрался между покосившимися надгробиями, прячась в густых тенях плакучих ив. И там, среди старых, заросших мхом могил, он увидел мадам Корво.

Хозяйка поместья стояла над одной из самых старых насыпей в длинном чёрном платье. Её обычно аккуратно собранные седые волосы теперь были распущены и жуткими волнами падали на плечи. В руках вдова держала массивный серебряный сосуд, покрытый старинной чеканкой.

И она не поливала цветы водой.

Из серебряного горлышка на тёмную землю плотной, вяз-

кой струёй лилась густая алая жидкость. Кровь. В лунном свете она казалась абсолютно чёрной. Мадам Корво при этом не выглядела безумной или испуганной. Напротив, её бледное лицо было спокойным, почти благоговейным, словно она совершала священный, давно привычный обряд.

Она медленно наклонилась, аккуратно провела тонкими пальцами по нежным лепесткам самой крупной, налитой багрянцем розы. И бутон, к ужасу Томаса, заметно вздрогнул от этого прикосновения. Цветок начал медленно раскрываться гораздо шире, будто жадно впитывал тепло её рук. Лепестки имели глубокий, почти черный оттенок, но в самом центре раскрывшегося цветка мерцал странный, неестественный свет. Словно внутри бутона пряталась капля живого огня.

Томас замер за каменным крестом, боясь сделать даже самый короткий вдох. Сердце бешено колотилось в груди, отдаваясь стуком в висках.

В этот самый момент мадам Корво внезапно подняла голову. Её холодный взгляд медленно скользнул по туманному кладбищу, и на мгновение Томасу показалось, что она смотрит прямо на него. Но вдова лишь повернулась обратно к пульсирующим бутонам и просто тихо произнесла в пустоту ночи:

— Они должны цвести. Иначе дом падёт.

А потом она развернулась и бесшумно ушла в сторону особняка, оставив после себя только резкий, бьющий в нос

запах железа и удушливо-сладкий аромат багровых роз.

На следующее утро экономка, миссис Гроуз, встретила Томаса на кухне флигеля. Её ледяной, немигающий взгляд, казалось, прошивал молодого садовника насквозь. Она стояла неподвижно, сложив руки на поясе, прямо поверх тяжёлой связки ключей.

— Вы были ночью на кладбище, — сказала она. Ее голос был сухим и монотонным, как стук маятника старинных часов.

Томас хотел солгать, но липкий, холодный страх мгновенно перехватил дыхание, и слова просто застряли в горле. С трудом сглотнув, он выдавил:

— Я... я слышал странный звук. Подумал что это грабители...

Экономка медленно покачала головой, и в тусклых глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на жалость. Она сделала шаг ближе, и Томас почувствовал, как от её старого чёрного платья пахло могильной сыростью.

— На этом кладбище никто не бывает, Харт, — тихо, почти шёпотом произнесла она. — Никто, кроме мадам. И тех, кто перестает быть полезным.

Она резко развернулась и ушла, оставив Томаса стоять посреди пустой кухни. Только в эту секунду страшное, леденящее осознание наконец поразило его ум. Пазл, который он не решался сложить с самого первого дня прибытия в поместье наконец собрался воедино.

Он вспомнил рассказы местных жителей в трактире. Слуги в этом проклятом особняке исчезали. Повар, который внезапно начал жаловаться, что у всей еды в доме появился странный привкус железа. Юная горничная, которая слишком много совала свой нос куда не следует и расспрашивала других слуг о закрытом погосте. Молодой конюх, который однажды сдуру прямо в лицо мадам Корво ляпнул, что её великолепные розы пахнут смертью. Все они пропали без вести. Их вещи оставались в комнатах, и никто в поместье больше никогда не задавал о них вопросов.

Томас почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Земля на кладбище... Кровь в серебряном сосуде, которой мадам поливала свои цветы, не принадлежала животным. Розы Корво питались кровью тех, кто посмел узнать их тайну. И она не собиралась останавливаться.

Вечером того же дня, едва добравшись до своей каморки после изнурительной работы, Томас замер у порога. На его покосившемся деревянном столе лежал прямоугольный желтоватый конверт.

Дрожащими пальцами парень надорвал плотную бумагу, насквозь пропитавшуюся ароматом тех самых роз — пригорным, липким, сладким до тошноты. Запах въедался в кожу пальцев, заполнял комнату и, казалось, парализовывал волю. Внутри лежал листок бумаги. На нём была выведена всего одна короткая фраза:

«Не ищи ответов там, где растут цветы».

Подписи не было. Но он и так знал, кто был автором этого послания. Томас бросил взгляд на окно. Наступала глущая ночь. Туман снаружи стал настолько плотным, что полностью скрыл землю, и из серой пелены торчали лишь верхушки надгробий старого кладбища.

Из темноты за закрытым окном, со стороны погоста, донёсся едва различимый звук. Словно десятки огромных бутонов одновременно начали с тихим треском раскрывать свои лепестки, требуя новой порции крови. Замок на воротах больше не казался защитой. Пришло осознание - ограда была построена для того, чтобы никто из находящихся внутри поместья не смог сбежать наружу. Томас похолодел.

Нужно было бежать. Найти способ выбраться из поместья. Томас уже понял, что свежая порция земли на закрытом погосте готовится именно для него, и эта мысль выгнала остатки сна из его головы. Но первобытный страх требовал ответов. Перед тем, как навсегда покинуть это проклятое место, он должен был узнать, с каким именно кошмаром столкнулся.

Втайне от миссис Гроуз он разыскал старого дворецкого, мистера Брума, который доживал свои дни в заброшенном крыле особняка, куда давно не заглядывали слуги. Дворецкий был тяжело болен, истощен и почти слеп. Когда Томас коснулся его плеча, старик вздрогнул и из его иссохшего рта вырывался свистящий хрип. Он говорил так, будто стены имели уши. Его голос был еле слышным, испуганным шёпо-

том. Старик то и дело судорожно оглядывался, поглядывая на тени, пляшущие по углам комнаты.

— Это проклятие, парень, — прохрипел старик, вцепившись костлявыми пальцами в руку Томаса. — Древнее, тёмное колдовство. Много лет назад покойный муж мадам Корво заключил страшную сделку. Он до безумия, до исступления хотел сохранить ускользающую красоту своей жены. И ради этого он призвал в наш мир первобытную силу, которая питается человеческой кровью.

Дворецкий зашелся в сухом, удушливом кашле, но не отпустил руку садовника.

— Теперь каждая багровая роза в этом саду — это чья-то душа. Украденная и запертая в бутонах. Самые роскошные, самые крупные цветут именно там, на старых могилах, где проливается кровь её жертв. А мадам... не верь своим глазам, парень. Она вовсе не хозяйка этого дома, а его вечный пленник. Все эти годы она поддерживала сделку и поила землю на погосте человеческой кровью. Потому что если проклятые розы увянут, весь этот дом поглотит то, что живёт прямо под ним.

— И что же там живёт? — спросил Томас, чувствуя, как по спине пробежал ледяной пот, а в носу снова застоялся приторный аромат роз. — Что находится под землёй?

Дворецкий лишь медленно покачал головой, и его слепые глаза расширились от запредельного ужаса.

— То, что не имеет человеческого имени, — прошептал

он, и его голос сорвался на хрип. — То, что любит гробовую тишину и тёплую кровь.

Томас резко отшатнулся, и в его голове наконец выстроилась финальная жуткая картина. Он — следующий в очереди. Садовник был молод, полон сил, и его горячая, чистая кровь могла дать ненасытным розам новый, яркий всплеск нечеловеческой красоты. Бежать нужно было прямо сейчас, пока ночной туман окончательно не отрезал дорогу к спасению.

В ту же ночь Томас услышал, как розы поют. Это был глухой, утробный шёпот, проникающий глубоко в кости, парализующий волю и заставляющий сердце биться в такт с чем-то невероятно древним, чуждым и холодным. Звук рождался не в воздухе — он вибрировал в самом черепе, поднимаясь сквозь подошвы его ботинок. Песнь звала его, лишая способности мыслить рационально.

Словно в глубоком трансе, Томас вышел в сад. Сквозь туман, стоящий плотной белой стеной, пробивалось жуткое фосфоресцирующее сияние. Добравшись до кованой ограды погоста, садовник замер, объятый первобытным страхом.

Все розы на закрытом кладбище раскрылись одновременно. Вопреки любым законам природы, сотни огромных багровых бутонов распахнули свои лепестки навстречу бледной луне. Их края мелко дрожали в такт подземному шёпоту, а воздух вокруг стал настолько густым и липким от запаха разложения, что каждый вдох давался Томасу с болью.

И тогда из тумана между надгробиями появилась мадам Корво.

На этот раз в ней не осталось прежнего ледяного аристократического спокойствия. Её распущенные седые волосы стояли дыбом, а в глубоких глазницах горел странный, холодный огонь. Когда она заговорила, голос её прозвучал как многоголосое, рокочущее эхо чего-то гораздо более древнего. Это был голос силы, обитающей в глубине не знающего света подвала под фундаментом старого особняка.

— Ты знаешь, Харт, — произнесло существо в чёрном платье. — Ты разворошил гниль этого дома. И теперь ты должен стать частью его вечной красоты.

Она медленно двинулась к Томасу, не касаясь ногами земли, и протянула массивный серебряный сосуд. Он был наполнен густой человеческой кровью. На её поверхности отражался мертвенный пульсирующий свет дьявольских роз.

— Накорми их, садовник, — пророкотало эхо. — И ты будешь жить здесь вечно. Твои руки будут ухаживать за этим садом, а твоя собственная кровь будет питать эти чудесные цветы день за днём, пока ты сам не иссохнешь и не станешь одним из них. Дом требует новую душу.

Томас в ужасе отшатнулся, спиной ударившись о холодный чугунный прут ограды.

— Нет! — закричал он, сжимая кулаки. — Я не стану! Я не буду проливать кровь ради чудовища!

Мадам Корво уродливо, неестественно широко улыбну-

лась, обнажив бледные дёсны. Но в этой улыбке не было ни капли человеческого тепла — лишь торжество голодного хищника.

— Томас, — прошептали в унисон сотни раскрывшихся бутонов. — Ты пришёл в этот дом. Ты срезал увядшие листья и утапывал землю над их телами. Ты помогал расти. Ты уже стал частью этого сада. Просто не хочешь признать этого.

В этот самый момент из глубоких, непроглядных теней между могилами начали появляться фигуры. Это были не бесплотные призраки и не живые люди. Из земли поднималось нечто, сотканное из тумана, тишины и могильной гнили. Их очертания уродливо расплывались и менялись как отражение в грязной воде. Томас с замиранием сердца узнал в них пропавших слуг. Фигура старого повара, тонкий силуэт горничной... На их лицах не было глаз, вместо них зияла пустота, из которой росли молодые стебли.

Безмолвные мертвецы двинулись прямо к Томасу, вытягивая костлявые, покрытые шипами руки.

Ужас окончательно отрезвил его разум. Парень развернулся и бросился бежать. Он мчался напролом через проклятый сад, продираясь сквозь цепкие, хлещущие по лицу кусты, сбивая тяжёлые багровые лепестки, которые падали на землю вокруг его сапог точь-в-точь как капли густой крови. Казалось, весь сад ожил: лозы стремительно извивались, пытаясь ухватить его за щиколотки и утащить вниз, туда, где просыпалось нечто.

Томас добрался до главных ворот. Он изрезал ладони в кровь, хватаясь за острые пики и перемахнул через высокую кованую ограду, с размаху рухнув на жёсткую, каменистую дорогу за пределами поместья, вскочил и побежал прочь, не оглядываясь.

Он бежал сквозь туман, пока лёгкие не начало разрывать от нехватки воздуха, а ноги окончательно не отказались служить. Томас упал прямо на грязную ночную дорогу, далеко за чертой проклятых земель Корво. Он лежал в грязи, задыхаясь, дрожа всем телом и судорожно сжимая свои израненные, пахнущие сладким ароматом роз ладони. Он спасся. Но глубоко внутри он знал: запах железа и этот приторный аромат багровых бутонов теперь останутся с ним до самого конца его дней.

Томас добрался до ближайшего промышленного городка, затерявшегося в дыму и копоти фабричных труб. Ему казалось, что грохот ткацких станков, запах угля и вечная городская суэта смогут заглушить воспоминания о поместье. Но он чувствовал: это не конец. Розы мадам Корво никогда не отпускали тех, кто соприкоснулся с их тайной.

Каждую ночь, едва его голова касалась жёсткой подушки в дешёвой съёмной комнате, ему снились одни и те же цветы. Багровые бутоны колыхались в тумане, они шептали его имя сотнями голосов и настойчиво звали его вернуться назад.

Пробуждение не приносило облегчения. Однажды утром, распахнув глаза от собственного крика, Томас подошел к ок-

ну и замер от ужаса. На сером пыльном подоконнике его каморки, куда никогда не заглядывало солнце, лежал одинокий, идеально свежий багровый лепесток. Но самое страшное ждало его, когда Томас посмотрел в треснувшее зеркало, висящее в прихожей. Из глубины, прямо сквозь его собственные зрачки, смотрели чужие, остекленевшие глаза пропавшего конюха, в которых застыл немой, предсмертный крик.

Отчаявшись Томас бежал к местному констеблю, пытался говорить с газетчиками, шептал правду священнику в полутёмной церкви. Но люди лишь крутили пальцами у виска и качали головами. Для всего округа мадам Корво была святой женщиной и великой благодетельницей. Набожный лавочник с пеной у рта доказывал Томасу, что именно целебный аромат её роз прошлым летом спас от неминуемой смерти чахоточного ребенка. Никто в этом сером мире не хотел слышать о пролитой крови, сделках с безымянными силами и живых тенях. Кошмар Томаса оставался только его кошмаром.

Кольцо безумия сжималось всё плотнее. Однажды утром парень проснулся от того, что его каморка была буквально наполнена знакомым ароматом. Его собственные руки... мозолистые, огрубевшие руки садовника насквозь пахли розами. Этот запах вьелся под ногти, пропитал самую кожу. Томас в ужасе поднес дрожащую ладонь к лицу и сделал вдох.

В ту же секунду реальность фабричного городка треснула

и осыпалась. На долю секунды ему показалось, что он снова стоит в самом сердце заброшенного погоста, среди шевелящихся багровых кустов. Прямо над его ухом, удушливо и ласково, рокочущее эхо мадам Корво прошептало:

— Ты всё равно вернешься, Томас. Красота требует жертв. Рано или поздно земля заберет своё.

Садовник с силой зажмурился, до боли сжал кулаки, ломая ногти о собственные ладони, и сквозь слёзы прошептал в пустую комнату:

— Никогда. Слышишь? Никогда!

Но проклятый сад мадам Корво уже пророс глубоко в его подсознание, пустив свои невидимые корни в его мысли и сны. И теперь каждый раз, когда Томас закрывал глаза, он с нарастающим безумием видел, как огромные багровые розы медленно раскрываются в темноте, словно голодные рты, готовые поглотить его целиком.

Томас написал письмо. Он потратил на это всю ночь, сжигая последний огарок свечи в своей душевной каморке. Его пальцы сводило судорогой, но он упрямо выводил на бумаге слово за словом, выплёскивая весь ужас, что сжигал его изнутри. Он описал всё: скрытое за чугунной оградой кладбище, серебряный сосуд с кровью, безликие фигуры из тумана и страшные слова старого дворецкого. Томас запечатал конверт, но не стал ставить подпись — его имя больше не имело значения. Ранним утром, пока город ещё спал, он оставил это послание у порога местной церкви. Он сделал это без

особой надежды, но с тайной молитвой о том, что когда-нибудь его найдет человек с чистым сердцем, прочитает и поверит. Человек, который не побоится заглянуть за красивый фасад поместья.

А сам Томас ушел на север. Он бежал в суровые, бесплодные земли, где каменистая почва была покрыта лишь бледным лишайником и колючим серым мхом. Туда, где не было садов. Он бежал от цветов и от удушливого приторного запаха, который неотступно преследовал его по пятам словно проклятая тень. На севере, среди ледяных ветров и голых скал, его измученный разум наконец обрел покой.

Но покой этот был хрупок. Иной раз, в тихие предзакатные вечера, когда ветер внезапно менял направление и приносил откуда-то из далёких южных земель едва уловимый знакомый аромат, Томас замирал. Он бросал работу, выпрямлялся и подолгу прислушивался к движению воздуха, бледнея на глазах.

В такие мгновения ему казалось, что там, за сотни миль отсюда, в туманной глубине старого поместья, багровые розы всё ещё поют свою леденящую кровь песню и ждут его возвращения.

Шепчут его имя...

Отсчёт

Тик, тик, тик...

Этот звук сводил Макса с ума, въедался в сознание, будто ржавый гвоздь, который кто-то вбивал в его голову. Медленно, миллиметр за миллиметром, мерными, точными ударами. Мозг горел так, словно его выжигал безжалостный призрачный огонь, а веки превратились в наждачную бумагу.

Комната казалась застывшей, словно замершей во времени. Стены покрывали слои облупившейся краски, под которыми проглядывали старые газетные вырезки — будто кто-то пытался запечатлеть в них что-то, чего не должен был увидеть мир. В углу темнел силуэт высокого шкафа, дверцы которого слегка покосились, будто изнутри кто-то давил на них, пытаясь вырваться.

Макс сидел в старом кожаном кресле, которое пахло плесенью и потом. Запах был густым, почти осязаемым — он оседал в горле, мешал дышать, будто сам воздух здесь был заражён временем. Он не решался пошевелиться. Не потому, что боялся скрипнуть разохшимися деревянными ножками, а потому, что чувствовал: любое движение нарушит хрупкое равновесие этого места.

Он не сводил глаз с круглого пожелтевшего циферблата. Казалось, что его глазные яблоки вибрируют в такт секундной стрелке. Пульс грохотал в барабанных перепонках, за-

глушая далёкий гул ночного города. Каждая секунда тянулась целую вечность, а внутри всё горело от подступающей паники.

Макс зажмурился.

Он повторял себе раз за разом. Надо продержаться. Удержать мысль, не дать ей соскользнуть. Ещё немного. Всего пара минут. Казалось, эти дурацкие старинные часы на стене бьют прямо в голову.

Тик. Тик. Тик.

Медленно, не открывая глаз, он вытянул дрожащую руку к лакированной поверхности стола. Пальцы слепо зашарили по древесине, пока не наткнулись на холодную сталь. Металл скользнул в ладонь легко, будто у него была своя, извращённая воля, подталкивающая Макса к единственно верному решению.

Изнутри рукояти донеслась едва уловимая, зловещая вибрация. Предмет пульсировал, словно в воронёной стали билось крошечное сердце.

Он поднес пистолет к голове. Прижал холодное дуло к пульсирующей жилке на виске. Сталь была ледяной, она на секунду остудила пылающую кожу, но это не могло потушить пожар внутри черепной коробки. Огонь продолжал пожирать мысли.

Когда Макс снова открыл глаза, мир сузился до размеров часового круга. Оставалось меньше минуты. Он чувствовал каждый удар этого проклятого механического сердца.

Макс опустил руку на уровень груди и взгляделся в то, что сжимал в руке. Старый, надежный «Кольт» - оружие его отца. Настоящий кусок тяжёлого американской стали. Он медленно, с сухим металлическим хрустом оттянул затвор, досылая патрон в патронник. Звук получился слишком громким. Словно ставил точку.

Внезапно из глубины дома донёсся мерзкий звук — будто кто-то провёл ногтем по стеклу. Или по кости. Макс вжался в кресло, чувствуя, как холодная кожа липнет к спине. И в этот момент он понял: они уже здесь.

Макс сглотнул горький ком в горле, поднял пистолет и снова приставил ствол к виску. Руки дрожали так, что металл стучал по коже. Мушка больно царапнула кожу.

Десять секунд.

На последней, мёртвой секунде Макс замер. Палец на спусковом крючке превратился в кусок податливого воска.

Тик. Тик. Тик. ЩЁЛК!

Звук раздался внутри его собственного черепа — сухой, костяной щелчок, будто невидимая рука дёрнула за ржавый рычаг в его мозгу.

Реальность вокруг него треснула, и в то же мгновение его комната исчезла.

Стены растворились, а вместо них перед глазами вспыхнула улица. Чужая. Омерзительно серая. Дома выглядели как картонные декорации, мёртвые пустые тротуары под небом цвета мокрого асфальта были абсолютно безлюдны.

Но в каждом тёмном окне стояли странные бледные фигуры. Они застыли неподвижно, прижавшись к стёклам, и их пустые глаза не мигая смотрели прямо на него сквозь слои истончившегося пространства. Десятки человеческих фигур.

— Нет, — прохрипел Макс. Голос прозвучал чуждо, как скрип несмазанных петель.

Он резко отшатнулся и едва не рухнул на землю, хватая ртом воздух, который вдруг стал густым и пах угарным газом.

В глазах потемнело. Когда он зажмурился и снова открыл их, серая улица пропала. Он снова сидел в своей комнате. Макс резко отдернул пистолет от головы и отшатнулся. Кресло качнулось, ножки с противным визгом проехали по паркету. Торшер мирно горел, тени уродливо изгибались, а на каминной полке все так же шли часы.

Вот только звук изменился.

Тук-тук... тук-тук... тук-тук...

Это был стук его собственного сердца, которое билось всё сильнее.

И тут Макс заметил кое-что ещё. За окном его собственной комнаты, прямо за стеклом, стояла бледная фигура и пристально смотрела на него.

Макс отшвырнул пистолет, будто тот внезапно стал невыносимо горячим. Оружие глухо ударилось о пол, но звук вышел странным — слишком гулким, будто дом поглотил его и теперь перекачивал где-то в своих тёмных внутренностях,

прежде чем выпустить обратно.

Он прижался к спинке кресла, чувствуя, как кожа, пахнущая плесенью и чужим потом, липнет к рубашке. Пальцы судорожно вцепились в подлокотники, ногти царапнули потрескавшееся дерево. Внезапно часы на стене издали странный звук. Стрелки дёрнулись и пошли назад. Сначала медленно, потом всё быстрее, кружась в безумном танце, пока не слились в размытое жёлтое пятно.

Мир вокруг него не просто трещал — он перестраивался, подчиняясь законам, которые человеческий разум не способен вместить.

Из шкафа в углу донёсся скрежет — будто кто-то внутри водил когтями по дереву, пытаясь вырваться наружу. Дверцы задрожали, петли заскрипели, и одна из створок приоткрылась, выпуская наружу волну ледяного воздуха, пахнущего солью и гниющими водорослями — запахом, который никак не мог появиться в старом доме посреди города.

Макс хотел закричать, но голос застыл в горле, превратившись в сухой хрип. Он почувствовал, как по коже бегут мурашки, а волосы на затылке встают дыбом, будто что-то невидимое скользило по нему, изучая, пробуя на вкус.

Снаружи, за пределами окна, небо начало светиться тусклым, болезненно-зелёным светом. Над горизонтом нависло нечто огромное, с множеством глаз и щупалец, чьи очертания постоянно менялись, не давая взгляду зацепиться за них.

Макс почувствовал, как его сознание пытается отвергнуть

увиденное, как глаза отказываются фокусироваться на этом нечто, а мозг судорожно ищет объяснение, которое не разрушит его рассудок.

В этот момент фигура за окном медленно подняла руку и прижала ладонь к стеклу.

Он резко вскочил и отступил к двери и рывком распахнул её, но тут же замер: в коридоре что-то шевельнулось. Не звук, не шаг — скорее ощущение, будто воздух на секунду стал гуще, плотнее, как будто сквозь него протиснулось что-то, не предназначенное для этого измерения.

Макс не шевелился, боясь даже вздохнуть. Он медленно повернул голову. Сердце в груди колотилось так сильно, что, казалось, оно вот-вот проломит рёбра.

В проёме, едва заметном в полумраке, стояло одно из существ. Оно не смотрело на Макса — голова существа была слегка наклонена, будто оно прислушивался к чему-то, чего человек слышать не мог. Из уголка рта сочилась густая, почти чёрная слюна, капая на пол с тихим, противным шлепком. Его глаза были пустыми, без зрачков, будто выжженными изнутри, но в этой пустоте Макс увидел что-то знакомое. Это скорее походило на ощущение: будто он уже видел этот взгляд раньше. Во снах. В кошмарах. В тех странных провалах памяти, которые он привык списывать на усталость. Длинные, неестественно тонкие пальцы существа медленно сжимались и разжимались, скребя по дверному косяку.

— Нет, — прошептал Макс, отступая назад, пока не упёр-

ся спиной в стену. — Это не по-настоящему. Это бред.

Существо в проёме медленно подняло голову. Макс почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Паника сжимала его сердце.

«Оно меня не видит, — пронеслось в голове у Макса. Он изо всех сил старался не закричать. — Оно только слушает!»

Тварь сделала короткий, рваный шаг вперёд. Его колени выгнулись под каким-то неправильным, пугающим углом. Оно замерло, вытянув шею. Чёрная слизь снова капнула на ковёр, прожигая в нём крошечную дымящуюся дырочку.

Макс понял, что если он сейчас издаст хоть один звук — даже если просто громко сглотнёт, — эта тварь мгновенно окажется рядом.

И в этот самый момент часы на стене, до этого глухо стучавшие как сердце, внезапно замолчали. Наступила мёртвая, звенящая тишина.

А затем в кармане джинсов Макса на полную громкость врубился мобильный телефон.

Макс метнулся к столу, схватил пистолет, пальцы судорожно сомкнулись на рукояти. Металл снова отозвался той самой мерзкой вибрацией. Он вскинул оружие, целясь в существо, но рука предательски дрожала, а дуло плясало перед глазами, никак не желая зафиксироваться на одной точке.

— Уходи! — крикнул он, и собственный голос прозвучал жалко, слишком громко и одновременно тихо, будто комната поглощала звук, не давая ему вырваться наружу.

Из темноты появилось существо. Оно не шло — оно скользило, игнорируя законы физики, его движения были дѣрганymi как у марионетки, которой управляет безумный кукловод.

Существо не ответило. Оно остановилось и повернуло к Максy голову, которая сделала полный оборот прежде чем остановиться. А потом медленно, почти издевательски, подняло руку и указательным пальцем провело по воздуху, чертя невидимую линию. У него во рту не было зубов — только ряды мелких, острых шипов, а из горла донёсся звук, похожий на шёпот множества голосов, говорящих на разных языках одновременно.

И в тот же миг в комнате что-то щёлкнуло, будто сама реальность на секунду сбилась с ритма. Тени в углах стали гуще, воздух потяжелел, и Макс почувствовал, как его собственные мысли начинают расползаться словно чернила в воде.

Макс зажмурился, пытаясь отгородиться от этого кошмара, но даже в темноте, за закрытыми веками, он видел те же извивающиеся линии, те же неестественные формы, проступающие сквозь ткань реальности. Он чувствовал, как его собственное тело становится чужим, как кожа натягивается, а кости начинают деформироваться под воздействием невидимых сил.

Он нажал на спусковой крючок.

Выстрел оглушил его, отдаваясь в ушах болезненным зво-

ном. Пуля ушла в пустоту — существо даже не шелохнулось. А на том месте, куда она должна была попасть, воздух на мгновение пошёл рябью и тут же вернулся в норму.

«Оно не из этого мира, — понял Макс с леденящим ужасом. — Или я уже не в своём».

Из коридора донеслись шаркающие шаги, будто целая толпа медленно, но неумолимо приближалась к двери. Запах гниения усилился, стал почти осязаемым, он оседал на языке горькой плёнкой.

Макс в ужасе отступил к окну. Снаружи улица теперь выглядела так, будто безумец нарисовал ее дрожащей рукой. Дома стояли под странными углами, тротуары изгибались как живые, а в небе кружили птицы, чьи крылья казались слишком большими, неправильными.

Макс сжал пистолет так сильно, что костяшки побелели. Он упал на колени, хватая ртом тяжёлый, пропитанный ужасом воздух. Ветер принёс запах озона и разложения. Макс застыл, глядя на пистолет, будто тот был не куском металла, а чем-то живым — холодным, терпеливым, ледяным, но не таким, как бывает у вещей. Он будто вытягивал тепло из кожи, забирая его безвозвратно.

«Этого не может быть, — пронеслось у него в голове. Воспоминания нахлынули ледяной волной: тот миг, когда реальность треснула, когда он приставил дуло к виску, когда мир на секунду перестал быть собой.

Макс начал замечать закономерность: каждый раз, как он

оказывался на грани — в момент максимального напряжения, когда время будто замедлялось, — реальность переключалась.

Его отчаяние, его готовность сдаться в комнате с часами каким-то образом открывала проход в город кошмаров. Он знал: стрелять бесполезно. Бежать некуда.

Оставалось только одно. Макс схватил часы и разбил их о стену. Он стоял посреди комнаты, тяжело дыша, а осколки часов рассыпались у его ног. Тишина, наступившая после удара, была неестественно плотной — она давила.

Но она длилась лишь мгновение, а затем наполнилась новым звуком — хриплым дыханием за его спиной.

Оно становилось громче, ритмичнее, будто кто-то отсчитывал мгновения собственным страданием.

«Я сломал часы, — подумал Макс, и в этом простом факте ему вдруг почудилась какая-то горькая ирония. — Думал, что это якорь, что если нарушить отсчёт, то всё остановится. Но они пришли и сюда. Значит, дело не в часах. Дело во мне».

Макс судорожно начал рыться в карманах. Ему нужны были ответы. Сейчас же! И он нашёл, что искал. Это был пожелтевший обрывок газетной статьи десятилетней давности. Макс нашел его пару дней назад, но только сейчас буквы на бумаге обрели жуткий, осязаемый смысл.

Статья рассказывала о секретном промышленном эксперименте, который проводили прямо здесь, в их городе. Уче-

ные пытались создать прибор для замедления времени в локальных зонах. Официально — чтобы спасти людей из-под завалов при землетрясениях. Но проект обернулся катастрофой. В заметке упоминался термин «резонанс сознания». Оказалось, прибор реагировал не на физические кнопки, а на эмоции. Чем сильнее у человека стресс и паника, тем глубже его разум проваливался в искажённую, параллельную реальность.

Макса бросило в холодный пот. Он вспомнил, как спускался в подвал своего дома неделю назад, когда только снял квартиру. В самом дальнем углу, за ржавыми трубами, он увидел остатки странного оборудования: тяжелые металлические пластины со странными символами и огромный круглый модуль, точь-в-точь похожий на гигантские часы без стрелок.

Тварь оставалась на месте, она не двигалась. Из коридора показалась еще одна фигура. За ней вторая, третья... Они не спешили. Им не нужно было спешить. Они знали, что он никуда не денется. Бледные фигуры окружили его, неестественно холодные, но чудовищно живые. Они не моргали. Они просто смотрели.

Теперь всё встало на свои места. Каждый раз, когда его страх или отчаяние достигали точки кипения, подвальное устройство активировалось. Оно затягивало его в параллельный слой реальности — туда, где эксперимент ученых полностью уничтожил нормальный мир, а обычные жители пре-

вратились в этих жутких, слепых существ со слизью вместо слюны. Его отчаяние, его паника, его готовность сдаться — всё это было топливом для устройства. Оно не искало логики. Оно искало боли. И чем сильнее он страдал, тем глубже становился провал.

А твари... Они не являлись пришельцами или демонами. Это были люди. Те, чьи сознания застряли между слоями реальности, искажённые резонансом, превращённые в эхо собственных страхов.

И прямо сейчас его собственный пульс снова зашкаливал от ужаса. Но на этот раз Макс не зажмурился. Не попытался спрятаться. Он вдруг понял: каждый раз, когда он поддавался панике, реальность переключалась.

«Если это работает на эмоциях, — подумал он, — значит, можно попробовать и наоборот. Не паниковать. Не бояться. А сосредоточиться. Найти точку равновесия».

Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох, пытаясь вытолкнуть из головы все страхи, все воспоминания о тварях, о дуле у виска. Он искал ту самую секунду, когда время замирало, но не от ужаса, а от ясности. Секунду, когда он просто знал: «Я здесь. Я жив. И я не позволю этому забрать меня».

И в ту же секунду реальность вокруг него дрогнула. Не треснула, не рассыпалась — а будто замерла на долю мгновения как кадр, зависший на плёнке.

А потом всё исчезло.

Не было ни комнаты, ни улицы, ни тварей. Только темнота

— густая, бархатная, не похожая на обычную тьму. В ней не было ужаса. В ней вообще ничего не было.

Макс резко распахнул глаза.

Он сидел в том самом старом кожаном кресле. Пахло не плесенью и чужим потом, а кофе и старой бумагой. На столе лежала стопка газетных вырезок, а рядом — толстый блокнот с его почерком. На стене висели обычные настенные часы, их стрелки спокойно и ровно отсчитывали секунды: тик-так, тик-так. Никакого зловещего ритма, никакой вибрации.

Перед ним, откинувшись на спинку стула, сидел мужчина в очках и с аккуратной бородкой. На груди у него висел бейдж: «Доктор Эванс, психиатр».

— Ну что, Макс, — спокойно произнёс доктор, делая пометку в блокноте. — На этот раз вы смогли вернуться сами. Это хороший знак.

Макс провёл рукой по лицу, чувствуя тёплую, живую кожу, а не ледяную пустоту кошмаров.

— Это был... сон? — прохрипел он, голос звучал непривычно, по-настоящему.

Доктор Эванс чуть наклонил голову, и на его лице мелькнуло что-то, чего Макс никогда раньше не видел — не сочувствие и не холодность, а глубокая, почти физическая усталость.

— Вы называете это сном. Кто-то другой назвал бы психотическим эпизодом. А иные — окном в другую реальность. Но для меня важно, что вы вернулись. И что вы смогли по-

смотреть страху в глаза, не убежав.

Макс опустил взгляд на свои руки. Они больше не дрожали. С каждым вдохом реальность становилась всё твёрже, всё надёжнее.

— Вы знали, — прохрипел Макс. — С самого начала вы знали, что со мной происходит.

Эванс медленно кивнул.

— Ты был там, — сказал он, голос звучал глухо, будто каждое слово давалось ему с трудом. — В той лаборатории. В тот день, когда всё пошло не так. Ты выжил. А они — нет. И теперь я пытаюсь удержать трещину в твоём сознании закрытой. Но она растёт. С каждым твоим срывом, когда ты балансируешь на грани, но не падаешь — она становится шире. Ты — идеальный проводник.

Макс смотрел на доктора Эванса немигающим взглядом.

— А если не получится? Что, если я не смогу удержать собственный разум в равновесии? — прошептал он.

Эванс нахмурился, и в его взгляде на секунду мелькнуло раздражение — как у человека, чьи идеальные расчёты вдруг пошли не по плану.

— Тогда трещина поглотит не только тебя. Она поглотит весь город.

Доктор Эванс на секунду замер, будто увидел что-то, чего не должен был видеть. А потом спокойно прикрыл блокнот. Но когда он отвернулся, чтобы положить бумаги в ящик, Макс заметил на одной из страниц едва заметную деталь:

тонкий, извивающийся узор. И этот узор... слегка шевелился...

— Впрочем, резонанс уже достаточно силён... — Человечество стоит на пороге нового понимания. Но для этого нужно сломать старые границы.

Эванс чуть приподнял брови, и на секунду в его взгляде мелькнуло что-то жёсткое, похожее на холодный расчёт.

—Слышишь? — прошептал он. — Они чувствуют. Они знают, что момент близок. И тогда Макс понял: доктор не закрывает дверь. Он ломает ее.

Макс сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль была острой, настоящей — и это помогло ему удержаться от паники. На мгновение всё вокруг замерло.

А потом реальность содрогнулась.

Тик, тик, тик...

Звук часов въедался в сознание. Макс стоял у окна, сжимая в пальцах сигарету. Он ущипнул себя, надеясь проснуться, но кошмар не исчезал. Наоборот, становился все отчётливее. Ветер принёс приторно-сладкий запах гниения. Он затянулся, выдохнул дым через нос, пытаясь перебить смрад, но запах только смешивался с дымом, становясь ещё более невыносимым.

Он должен был продержаться ещё немного. Удержать мысль. Осталась всего пара минут.

Макс снова сел в кресло, не сводя глаз с циферблата. Его мозг горел огнём, а каждая секунда растягивалась в веч-

ность. Он чувствовал, как вибрируют сами глазные яблоки, как пульс стучит в ушах, перекрывая все остальные звуки. Он потянулся к столу и нащупал пистолет. Металл скользнул в пальцы, будто сам искал контакта, подталкивая к решению. Макс медленно дослал патрон в патронник. Приставил ствол к виску.

Десять секунд.

Тик, тик, тик...

Бесконечный полёт

Алекс Грей делал рутинную проверку внешнего контура шлюзового отсека. Работа в открытом космосе была уже привычной, почти медитативной: плавные, выверенные движения в громоздком скафандре, мерное, свистящее дыхание в гермошлеме и спокойный, слегка потрескивающий от статики голос командира в наушниках:

— Алекс, как ты там? Всё чисто?

— Всё чисто, Кэп, — ответил он, не отрывая взгляда от тускло поблескивающей титановой панели обшивки. — Ещё пара минут, затяну последний болт и возвращаюсь.

Алекс потянулся к основному крепёжному узлу на страховочном фале. Толстые пальцы в герметичной перчатке привычно, вслепую нащупали металлический фиксатор карабина.

И в тот же миг страховочный трос дёрнуло. Это не было похоже на технический сбой. Ощущение было пугающим — будто кто-то невидимый и огромный резко, с силой выдохнул прямо ему в затылок внутри закрытого скафандра. Но законам физики было плевать на его страх. Стальной фиксатор лопнул и трос мгновенно ослаб, превратившись в безжизненную змею. Алекса мягко, плавно, но с чудовищной неумолимостью отнесло от обшивки корабля.

— Трос! Трос сорван! Меня уносит! — выкрикнул он в

микрофон, чувствуя, как липкий, ледяной пот мгновенно заливает глаза, а сердце начинает бешено колотиться в самые рёбра.

В наушниках тут же раздался панический, сорвавшийся на хрип голос командира:

— Алекс, держись! Включи аварийные двигатели скафандра! Мы разворачиваем станцию на сближение! Любой ценой держись!

Но Алексу уже незачем и не за что было держаться. Пальцы слепо скребли по абсолютно пустому ледяному вакууму. Он беспомощно смотрел, как колоссальный силуэт корабля — его единственный дом, его тепло и спасение — медленно, с безразличным изяществом поворачивается вокруг своей оси в чёрной бездне, будто беззвучно прощаясь с ним.

Голос командира в наушниках внезапно начал искажаться, перерастая в тот самый низкий, утробный подземный гул, который Алекс когда-то слышал в своих кошмарах, а из радиопомех со свистом пополз едва различимый, хриплый шёпот. Отражение Земли в золотистом стекле его шлема уродливо вытянулось под неестественно острым углом.

И в этот миг Алекс окончательно осознал: он больше не часть этой огромной сложной машины. Теперь он — всего лишь крошечная, забытая Богом и абсолютно одинокая точка в бесконечной голодной пустоте.

Стадия первая: отрицание

Алекс продолжал говорить. Он не замолкал ни на секунду

— не столько для них, сколько для самого себя, отчаянно пытаюсь разговором заглушить наползающий со всех сторон ужас.

— Кэп, я сейчас развернусь. Слышишь? У меня есть манёвровый импульс на скафандре, — его голос срывался на хрип, дыхание становилось частым, прерывистым. — Я вернусь. Дайте мне точные координаты шлюза, я скорректирую вектор. Я справлюсь.

Командир в наушниках отвечал пугающе спокойно, профессионально — так говорят врачи в палатах безнадёжно больных:

— Алекс, слушай меня внимательно. Ты ушёл по касательной. Скорость слишком высокая, а у тебя критически мало топлива на манёвровых движениях. Мы на мостике пытаемся подойти ближе, но у станции жёсткие ограничения по динамике. Держи связь, Алекс. Главное — не паникуй.

Отрицание было тёплым и уютным как старый плед. Оно ласково шептало ему в левое ухо: «Это просто дурацкий сбой в электронике. Обычная ошибка системы, Грей. Сейчас они нажмут нужную кнопку, всё исправят. Сейчас этот проклятый трос снова натянется, станет длиной в десять метров, и ты просто шагнешь назад на титановую обшивку, как будто ничего и не случилось».

Но Алекс смотрел на цифровой индикатор внутри шлема. Цифры запаса топлива таяли со свистом. Красный маркер вектора неумолимо уводил его всё дальше в бездну. И тёплое

отрицание начало с треском рваться по швам.

Стадия вторая: гнев

— Какого чёрта на контуре не было дублирующего фиксатора?! — выкрикнул он в микрофон с такой силой, что динамики в шлеме захлебнулись хрипом.

Алекс знал, что этот безумный вопрос не был адресован кому-то конкретному на станции. Это был яростный, беспомощный крик в абсолютную пустоту космоса, и она проглотила его без малейшего звука.

Гнев был горячим, ярким, почти спасительным. Этот чистый адреналин на пару секунд дал ему иллюзию контроля. Он давал силы до боли сжимать кулаки в перчатках, лихорадочно проверять датчики давления, искать лазейку там, где её физически не могло быть.

— У меня ещё остался один импульс! Я могу скорректировать траекторию вручную! Дайте мне расчет угла! Живее!

Старший инженер на связи заговорил размеренно, монотонно, будто читал скучную заводскую инструкцию к тостеру:

— Алекс, послушай. Даже если ты сейчас используешь абсолютно всё оставшееся топливо, ты чисто физически не сможешь погасить нашу относительную скорость. Ты уходишь от нас по гиперболе, парень. Станция просто не успеет развернуться. Мы не успеем.

И в эту секунду спасительный гнев начал стремительно остывать. Он не исчез полностью — он мгновенно пре-

вратился в тяжёлый, свинцовый обруч, сдавивший грудную клетку. Алекс судорожно стиснул зубы и едва слышно прошептал в шлемофон:

— Не может быть... Господи, только не сейчас. Не со мной. У меня дома на Земле жена. У меня дочка. Она ведь только-только начала делать первые шаги.

Алекс замолчал, вглядываясь в индикатор кислорода. И тут, в звенящей тишине радиоэфира, сквозь монотонный писк приборов, он отчётливо услышал, как на внутренней стороне стекла его гермошлема, прямо в ледяном вакууме, кто-то снаружи начал ритмично и мерно выстукивать ногтем по пластику. Тук... Тук... Тук... А за стеклом, в непроглядной черноте космоса, две ломаные звезды вдруг неестественно сдвинулись навстречу друг другу, складываясь в уродливый, ухмыляющийся узор.

Стадия третья: торг

— Дайте мне любой шанс, — тихо, почти беззвучно произнёс Алекс. — Хоть какой-то. Может, на моём пути есть старый спутник или заброшенный модуль на этой орбите? Я смогу зацепиться за него руками. Проверьте базы данных. Пожалуйста.

На станции начали лихорадочно просчитывать варианты. Это длилось долго. Слишком долго. Каждая секунда гробовой тишины в эфире была как тяжёлая капля ледяной воды, падающая в бездонную чашу его обречённости.

Наконец, в динамиках раздался надрывный, постаревший

в один миг голос командира:

— Алекс... вариантов нет. Компьютер перепроверил траекторию трижды. Ты ушёл слишком далеко по гиперболе, парень. Мы можем держать с тобой устойчивую связь, пока хватает мощности аккумуляторов твоего передатчика. Но вернуть тебя назад...

Голос командира замер.

Тогда Алекс Грей начал торговаться с самой судьбой. Не вслух — он делал это про себя, едва шевеля искусанными в кровь губами, чтобы никто на мостике или в ЦУПе случайно не услышал:

«Я больше не буду тратить кислород. Я задержу дыхание. Я буду дышать совсем редко, раз в минуту. Я буду экономить каждую драгоценную секунду, каждую искру энергии в скафандре. Пусть судьба даст мне ещё один час. Господи, ну пусть даст хотя бы десять минут! За десять минут я что-нибудь обязательно придумаю. Я найду лазейку, найду способ обмануть физику. Только не сейчас. Пожалуйста, не закрывайте эту дверь прямо сейчас».

Он медленно повернул голову внутри шлема и посмотрел на Землю. Огромный, пронзительно-голубой шар, укутанный нежной белизной облаков, казался теперь крошечной, едва заметной бусиной среди миллиардов равнодушных звёзд. Такой далёкий и такой невыносимо родной. Там, под этим куполом, сейчас кто-то пил утренний кофе, кто-то читал газету, а его маленькая дочь делала свой первый неуклю-

жий шаг по ковру.

«Только не дайте мне сгнить здесь, в этой ледяной пустоте. Дайте мне хотя бы увидеть её лицо ещё один-единственный раз...»

Алекс судорожно сглотнул. В ответ на его беззвучную мольбу уродливый, ломаный узор из звёзд за стеклом шлема стал отчётливее. Помехи в наушниках со свистом сложились в ровные механические слова на незнакомом, леденящем кровь языке, а датчик углекислого газа в углу дисплея панически замигал красным.

Стадия четвертая: депрессия

Связь начала стремительно пропадать. Сначала в наушниках появились новые помехи, сквозь которые голос командира доносился с рваной задержкой. А потом эфир и вовсе оглушительно оборвался, оставив после себя лишь мёртвый шелест помех.

— ЦУП, как слышно? Станция, ответьте! Вы меня слышите? — повторил Алекс Грей раз, другой, третий.

Глухая, звенящая тишина. Теперь во всей этой бесконечной вселенной для него существовал только один звук — его собственное дыхание. Слишком громкое, слишком частое, паническое, жрущее остатки кислорода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.